



Александр Онищенко

г. Сертолово,
Ленинградская обл.

Степная находка

(Рассказ-быль)

Мне часто вспоминается один загадочный и интересный случай, который произошёл со мной в далёком детстве в бескрайних степях за Уралом. Я тогда учился в школе и, окончив пятый или шестой класс, вместе с одноклассниками, пацанами со своей улицы, наслаждался летними каникулами в перерывах между домашними делами.

Наша семья, как и многие семьи того времени, проживающие вдали от крупных городов, жила в своём доме с приусадебным участком и вела натуральное хозяйство. Поэтому домашних дел было более чем достаточно, и они были распределены по времени в течение всего дня. Мои родители работали, а всё хозяйство вела моя бабуленька, очень энергичная и трудолюбивая женщина, встававшая с первыми петухами и ложившаяся отдыхать затемно, после вечерней дойки коровы. Не было ничего, что она не умела бы делать! Кроме того, она была очень жизнерадостной, ни-

когда не унывающей и говорила всегда спокойно, не повышая голоса. Постоянно помогая ей, я незаметно приобщался к труду: он становился моей повседневной, неотъемлемой нормой жизни и никогда не был мне в тягость. Когда выдавалось свободное время, я с мальчишками гонял мячик или в полдень, когда на улице изнуряющая жара и духота, а температура воздуха поднималась до плюс 40–45 градусов по Цельсию, мчался босиком к речке Кураганке и с обрывистого берега мы все вместе с криком и визгом прыгали в воду. Не бежать, а идти пешком было невозможно, так как раскалённая земля напоминала огнедышащую сковородку с керогаза, на котором готовили пищу в летнее время. Да, это было настоящее лето – мы успевали загореть, обгореть, облезть и ещё раз-другой загореть!

Мой папа работал ветеринарным врачом в районной ветлечебнице и вместе со своими сотрудниками ежегодно в июле-августе выезжал на заготовку сена для лошадей ветлечебницы, а также для своей домашней скотины. Содержание скота почти в каждом дворе в то время на Урале было нормой и возлагало на хозяев обязанность своевременной заготовки кормов на зиму в достаточном количестве. Поэтому к сентябрю вокруг нашего городка на возвышенных участках местности с удобными подъездами, не затопляемых весенними паводковыми водами, вырастали стога сена для корма домашним животным.

Два года кряду – после пятого и шестого класса – папа брал меня с собой за Урал на сенокос дней на десять. Всё увиденное и пережитое там, в бескрайних ковыльных степях, оставило в моей памяти, в душе и в самом сердце удивительно яркие, прекрасные и незабываемые впечатления!

Мне запомнилась карликовая степная вишня, которая росла в небольших лесных колках и по склонам отрогов Уральских гор. Маленькие кустики, до двух четвертей высотой, с крупными тёмными сладкими и сочными вишнями. Под тяжестью больших ягод тонкие кустики гнулись и бессильно опускались на землю между степным ковы-

лём. Иногда складывалось впечатление, что вишни растут на маленьких пучках ковыля. Никакая садовая вишня не может сравниться с той, степной!

Невозможно забыть эти бескрайние степные просторы, это бездонное небо, голубое днём, а ночью чёрное, с ярко мерцающими и загадочно манящими звёздами. Этот большой шалаш, в котором ночевали все мужики во время сенокоса. Этот костёр и запах его дымка, который я помню каждой клеточкой своего тела до сих пор! Эта удивительно чистая, прозрачная и студёная родниковая вода, от которой сводит скулы, ломит зубы и перехватывает дыхание! Этот прохладный, живительный утренний воздух, которым никогда не напиться досыта. Его хочется снова и снова вдыхать! Эти звонкие утренние птичьи песни и полное безмолвие, тишина и замирание жизни в полдень. Даже вечно зудящие назойливые слепни и комары в эти часы всё выжигающего зноя безнадежно бессильны и безжизненно молчаливы. В это время все работы в степи прекращаются, лошадей выпрягают, стреножат и уводят в тень к прохладному ручью. Все работники, отобедав, укрываются в шалаше. Жизнь в степи останавливается! После того, как жара понемногу уходила, работы по заготовке сена продолжались ещё некоторое время, а затем лошадей снова выпрягали и, стреножив, выпускали на отдых на пастбище, недалеко от стана. Все мужики опять собирались у костра на ужин. Пища и всё вокруг было пронизано незабываемым, ароматным и волшебным, никогда не повторимым запахом дымка. После ужина все ещё долго сидели у костра, курили и рассказывали различные истории, шутили и смеялись. Огонь в костре потихонку затухал, раскалённый пепел с золой плотно укрывали прогорающие угли, и лишь отдельные всплески голубовато-красных язычков пламени и тепло, исходившее от них, напоминали окружающим о том, что костёр ещё жив и полон энергии. Дождавшись, когда костёр прогорал и жар от него понемногу стихал, а само пепелище окрашивалось в тёмно-вишнёвый, а затем в

серый цвет, мужики бросали в него окурки папирос и самокруток, а затем, не спеша, по одному, начинали исчезать в шалаше. Тёмная прохладная ночь уверенно, на правах хозяйки, опускалась на землю и зажигала высоко в небе удивительно яркие звёзды, а из низин, оврагов и от ручья тянуло приятной прохладой.

Мы с папой, если позволяла погода, т. е. не было дождя, любили ночевать на свежем сене в телеге под открытым небом. Уложив сено на телегу, папа расстилал сверху тулуп, в изголовье клал подушки, а потом ещё одним тулупом, вместо одеяла, укрывал нас. Когда мы ложились спать, над нами всю ночь в далёком чёрном небе, как в сказке, сверкали месяц и яркие звёзды, некоторые из них иногда падали, промчавшись по небу, оставляя после себя яркий золотистый след, и гасли где-то вдалеке, рассыпаясь на множество мелких искр. Это зрелище было удивительно захватывающим.

Я всегда просил папу рассказать мне что-нибудь из своего детства, из жизни или про войну. Немного подумав, видимо что-то вспоминая, он начинал свой рассказ. Я внимательно слушал его, смотрел в небо на мерцающие таинственным светом звёзды и через некоторое время уже «поднимался в небо и летел к звёздам». Это было удивительно и потрясающе здорово! Нет, невозможно такое забыть никогда! Утром я просыпался в телеге от ярких лучей солнца, которые ласково будили меня. Моего папы рядом не было, в шалаше тишина – все на сенокосе. Над костром чуть-чуть вился лёгкий дымок, а на треноге висел котелок с тёплым завтраком. Позавтракав, я мыл посуду, брал ведро и шёл в степь собирать вишню. За день я мог набрать целое ведро! Принесённое ведро ягод папа поверху перевязывал либо наволочкой, либо полотенцем и опускал в студёную воду ручья, выбегающего из родника, на день-два, до отправки очередной машины с сеном домой, в Кувандык. Не всякий холодильник сегодня может принять и хранить два-три ведра ягод вишен. Сейчас с интересом вспоминаю, как во время сбора вишни степные просторы

преподносили неожиданные сюрпризы. Так из-под ног, из степного ковыля, могли внезапно вспорхнуть и с шумом метнуться в разные стороны куропатки, а то ещё похлеще – греющаяся на солнышке змея, покачив головой, медленно уползёт прочь! Я, конечно, старался быть в степи внимательным и осторожным, как учил меня папа, но природу не перехитрить, жители степей – хозяева, а мы, люди, – только гости в ней! К счастью, эти встречи всегда заканчивались благополучно!

Особенно хочу отметить выходные дни, когда все взрослые позволяли себе отдых. В этот день все дружно отдыхали на стане или организовывали коллективную рыбалку на близлежащем озере либо на реке Урал. В реке рыбная ловля осуществлялась удочками и закидушками – донками на живца. В озере рыбу вылавливали бреднем. Бредень шести-восьми метров длиной тянули четыре мужика, пробираясь по берегу, если позволяла прибрежная и береговая растительность, или прямо по воде, ступая по дну, если было не очень глубоко и дно озера было не очень илистым. На берег бреднем вытаскивали большие кучи рыбы. Это были золотистые или серебристые широченные караси с выпученными глазами, широко раскрытыми ртами, жадно глотающими воздух! Также попадались налимы и щуки. За три-четыре захода с бреднем по озеру на берегу вырастала большая серая шевелящаяся куча рыбы. Уложив улов в большие плетёные корзины, мужики ставили корзины в телегу и направлялись в стан, варить уху. После того, как вычищенную и выпотрошенную рыбу бросали в кипящую на костре в вёдрах воду, а затем добавляли различные специи, казалось, что вся степь наполнялась запахом, нет, ароматом ухи! Этого аромата я не могу забыть по сей день! Стоит только закрыть глаза, представить костёр с висящими над ним вёдрами с кипящей ухой и сразу же бегут слюнки! Когда уха была готова, её черпаком разливали по алюминиевым мискам с кусками рыбы. После первой порции все громко хвалили уху и повара, а затем обязательно

наливали добавку и, только после того как её съедали, переводили дух и закуривали, – кто папиросы, а кто самокрутки. Закурив, все разваливались на прогретой палящим полуденным солнцем земле и блаженно затягивались табачным дымом. Мне по сей день кажется, что я больше никогда и нигде не ел ухи вкусней, чем тогда, у костра на полевом стане около студёного родника в степи за Уралом!

Выходной день на стане был знаменателен для меня ещё одним событием: в этот день мне разрешалась длительная прогулка по степи верхом на лошади! Это было чем-то особенно захватывающим, так как я мог уезжать верхом на лошади довольно далеко, правда, без седла – на сенокосе в нём не было необходимости, ведь кроме меня верховой ездой никто не занимался, да и времени и желания тоже ни у кого не было.

Во время одной такой прогулки лошадь сначала побежала лёгкой трусцой, а затем перешла на шаг, а я сидел у неё на крупе и, слегка подёргивая и натягивая поводья, любовался бескрайними степными просторами. А вокруг – ни души! Вдруг лошадь неожиданно остановилась и, наклонив голову к земле, задвигала ушами и начала пофыркивать. Я попытался заставить её продолжить движение, натянув поводья и похлопывая по бокам ногами, но безуспешно: она продолжала стоять как вкопанная. Я снова отпустил поводья, и она опять опустила голову к земле, продолжая что-то рассматривать и обнюхивать. Я сверху внимательно осмотрел землю, пытаясь увидеть то, что так притягивало лошадь, и заметил, что в ковыле лежит какая-то зеленоватая бумажка. Тогда я спрыгнул с лошади и подошёл к находке. Это оказалась сильно выцветшая бумажная трёхрублёвка. В те далёкие годы это были значительные деньги, особенно для мальчишки-школьника! Я не мог поверить своим глазам, откуда в этой безбрежной и безлюдной степи могла взяться «трёшка»? Ещё раз убедившись в подлинности своей находки, я спрятал её в карман штанов и на всякий случай внимательно осмотрел место вокруг лошади,

но меня ждало разочарование – вокруг был только ковыль! Тем не менее, радостный и воодушевлённый находкой своей лошади, я сноровисто вскочил на неё и затрусил в сторону стана. Я ощущал себя счастливчиком, нашедшим клад драгоценностей прямо посреди степи!

Вскоре я приехал на стан, где все уже готовились к обеду. Когда я спрыгнул с лошади ко мне подошёл конюх дядя Стёпа и спросил: «Что ты так быстро возвратился, уже накатался?» Я вынул из кармана штанов драгоценную находку, развернул и, разгладив на ладонке, показал её дяде Стёпе. Он спросил: «Что это, ты где взял деньги?» Я ответил: «Вот, нашёл!» Он улыбнулся, похлопал меня по плечу и произнёс: «Фантазёр ты, Сашка! Я вот сколько лет уже кошу сено в степи и ничего подобного не находил, а ты поехал покататься и сразу нашёл!» Находившиеся поблизости мужики, услышав наш разговор, только заулыбались, сопровождая меня шутливым взглядом. А дядя Стёпа громко крикнул моему папе: «Слышь, Демьяныч, а Сашка-то у тебя большущий фантазёр!» Подойдя к своему папе, я спокойно рассказал ему о находке, достав её из кармана штанов и показав ему. Он внимательно выслушал меня, взял «трёшку» в руки, внимательно посмотрел с обеих сторон, а затем улыбнулся и сказал: «Ну что ж, молодец, поздравляю тебя! купишь себе что-нибудь к школе, – и, вернув мне мою находку, добавил: – Иди мой руки, скоро будем обедать». Во время обеда мне пришлось подробно рассказать всем, как же мне удалось верхом на лошади найти свой «клад». В конце обеда конюх дядя Стёпа сказал: «А ты знаешь, Саш, ведь получается, что половина найденного клада принадлежит лошади». Все громко рассмеялись. На этом обсуждение моей находки закончилось.

В понедельник с утра началась погрузка сена на грузовую машину для отправки в ветлечебницу, в Кувандык. С грузовой машины, которая предназначалась для перевозки сена, снимались боковые и задний борта. На дно кузова укладывалось сухое

сено, так что примерно на полметра оно со всех сторон свисало с кузова. Получался почти прямоугольный стог высотой до двух метров. Затем на верх стога, по длине кузова, укладывалось длинное бревно диаметром сантиметров 20–25. Оно вставлялось впереди, между кабиной водителя и кузовом, в специальную петлю, а сзади за стогом притягивалось лебёдкой, талью к сену, таким образом, что стог намертво прижимался к днищу кузова. Не знаю почему, но это бревно называлось бастригом. Все неровности по бокам стога снимались большими граблями. Получался ровный плотный и очень прочный стог, с которого во время перевозки не выпадал ни один пучок сена. Наверху, в передней части стога, ближе к кабине водителя, около этого самого бастрига делались два небольших углубления для моих вёдер с ягодами, и третье побольше – для меня. Выезжали со стана в Кувандык с сеном обычно ближе к вечеру, когда интенсивность движения машин на дорогах уменьшалась. Я очень любил ездить на покачивающемся стоге сена, воображая себя плывущим на корабле по морским волнам, любясь бескрайним звёздным небом. Машина во время езды постоянно плавно покачивалась, так что я нередко засыпал в своём «гнезде». Дорога занимала всего часа два, из них примерно полтора – по степи. Где-то ближе к полночи машина въезжала на уснувшие, слабо освещённые улочки родного городка и, подъехав к моему дому, останавливалась. Водитель машины дядя Толя залазил на кабину и будил меня, если я спал, а затем помогал мне слезть вниз, снимал с верха сена мои вёдра с ягодами. Он провожал меня домой, передавая маме или бабушке. Так заканчивалась моя краткосрочная поездка на сенокос. Дома меня ждали дела по хозяйству, которые в отсутствие папы и меня ложились на плечи бабули, так как мама работала. А поездка на сенокос была для меня поощрением! Выспавшись, на следующий день я вновь занимался домашними делами вместе с бабулей.

16 сентября 2016 г.